

РОССИЯ – ДЕРЖАВА НА ТРЕХ КОНТИНЕНТАХ

Ольга Елисеева

ГРАНИЦА РОССИИ – ЧЕРНОЕ МОРЕ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЕКТЫ
ГРИГОРИЯ ПОТЕМКИНА

Россия – держава на трех континентах

Ольга Елисеева

**Граница России – Черное
море. Геополитические
проекты Григория Потемкина**

«Яуза»

2018

УДК 94(47)"17"
ББК 63.3(2)46

Елисеева О. И.

Граница России – Черное море. Геополитические проекты
Григория Потемкина / О. И. Елисеева — «Яуза»,
2018 — (Россия – держава на трех континентах)

ISBN 978-5-04-090492-1

Вторая половина XVIII в. в истории русской политической мысли ознаменовалась появлением крупных государственных проектов, связывавших выгоды отдельных политических союзов, дипломатических и военных акций с естественным географическим положением России, ее границами, этно-культурными соседствами и постоянными интересами. Эти проекты принадлежали перу ближайшего сподвижника императрицы Екатерины II князя Григория Потемкина. В его записках «О Крыме», «О Польше», «О Швеции», а также в проектах, посвященных Северному Кавказу, Закавказью и Персии, сосредоточены идеи, ставшие ведущими во внешней политике второй половины екатерининского царствования и в конечном счете заложившие основы для всей дальнейшей геополитики Российской империи.

УДК 94(47)"17"
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-04-090492-1

© Елисеева О. И., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Введение	6
Роль Потемкина в политической жизни России при Екатерине II	7
Общая характеристика проектов Потемкина	10
Проекты Потемкина в кругу внешнеполитических планов его современников	12
Архивный и археографический очерк	18
Цели и задачи исследования	20
Историография	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

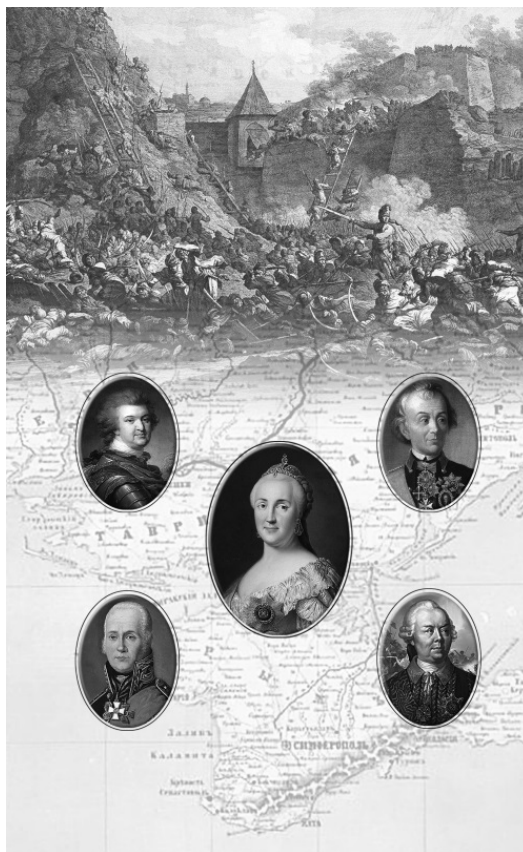
Ольга Елисеева

Граница России – Черное море. Геополитические проекты Григория Потемкина

© Елисеева О.И., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Россия – держава на трёх континентах

Введение

Вторая половина XVIII в. в истории русской политической мысли ознаменовалась появлением крупных государственных проектов, связывавших выгоды отдельных политических союзов, дипломатических и военных акций с естественным географическим положением России, ее границами, этнокультурными соседствами и постоянными интересами. Эти проекты принадлежали перу ближайшего сподвижника императрицы Екатерины II князя Григория Александровича Потемкина, который в течение 17 лет, с 1774 по 1791 год, разделял власть со своей августейшей покровительницей.

Роль Потемкина в политической жизни России при Екатерине II

Положение Потемкина в системе управления Российской империи того времени определялось не столько его официальными должностями (президент Военной коллегии, наместник присоединенных территорий Новороссии и Тавриды, генерал-фельдмаршал), сколько особенностями личных взаимоотношений с императрицей, при которых Екатерина II посчитала возможным передать в руки князя часть своих властных полномочий.

Перечисление чинов и орденов Григория Александровича на 1776 г., с которого начинается наше повествование, занимает полстраницы. Князь Священной Римской империи, генерал-аншеф, вице-президент (с 1783 г. президент) Военной коллегии, командующий легкой конницей и иррегулярными войсками (казачеством), генерал-адъютант, наместник Астраханской, Новороссийской и Азовской (с 1783 г. Екатеринославской и Таврической) губерний, действительный камергер, кавалер российских орденов св. Апостола Андрея, св. Георгия Большого Креста, св. Александра Невского; прусского Черного Орла; шведского Серафима; датского Слона; польских Белого Орла, св. Станислава. Все эти титулы и награды были лишь внешним и – подчеркнем – далеко не полным выражением реальной роли Потемкина в правительстве Екатерины II. Являясь ее ближайшим сотрудником и другом, он фактически выполнял функции второго после императрицы лица в государстве, руководившего военной, внешнеполитической, а на юге и административно-хозяйственной сферами.

Потемкин родился в 1739 г. (по другим данным – 1737 или 1742 г.) в семье смоленского дворянина и происходил из старинной фамилии, пустившей корни в России и Польше. В пятилетнем возрасте он был отправлен в Москву, где воспитывался в доме своего двоюродного дяди и крестного Г. М. Кисловского – президента Камер-коллегии. Получил хорошее образование сначала в частном пансионе Литке в Немецкой слободе, а затем в только что открытой благородной гимназии при Московском университете.

Первая волна студентов этого учебного заведения напоминала по числу будущих знаменитостей пушкинский Лицей. Однокашниками Потемкина во французском классе гимназии были драматург и дипломат Д. И. Фонвизин, просветитель Н. И. Новиков, поэты В. П. Петров и И. Ф. Богданович, архитекторы В. И. Баженов и И. Е. Старов. Поначалу Потемкин показал блестящие успехи. После первого года он получил золотую медаль и в числе 12 лучших учеников был отведен куратором университета И. И. Шуваловым в Петербург для представления императрице Елизавете Петровне. Однако вскоре после возвращения в Москву студент оказался отчислен из альма-матер, по официальной версии, «за леность и нехождение в классы», а по рассказам товарищей, за колкий стихотворный памфлет на немецкую профессуру.

К этому времени будущий светлейший князь знал уже несколько языков: немецкий, французский, латынь, древнегреческий (последний не преподавался в университете, и Потемкин изучил его самостоятельно), польский и старославянский. Он все больше погружался в изучение богословских дисциплин, проводя время в богатых библиотеках Греческого и Заиконоспасского монастырей в Москве. Его влекло не военное, а духовное поприще, но судьба распорядилась иначе. Потеряв отсрочку, дававшуюся недорослям до окончания обучения в университете, Потемкин был вынужден отправиться в полк.

Переворот 1762 г. Григорий Александрович встретил в чине вахмистра Конной гвардии и адъютанта принца Георга Голштингского – дяди императора Петра III и шефа Конногвардейского полка. Эта должность сделала Потемкина весьма ценным лицом для заговорщиков. Принц не говорил по-русски, а большинство солдат и даже офицеров в тот момент почти не владели ни немецким, ни французским языками. Таким образом, расторопный адъютант выполнял еще и роль переводчика. Имея Потемкина на своей стороне, заговорщики могли

свободно действовать среди конногвардейцев, а их командир оставался бы слеп и глух к происходящему. Молодой человек принял деятельное участие в подготовке заговора и состоял у императрицы Екатерины Алексеевны, как тогда говорили, «в секрете», то есть входил в узкий круг посвященных лиц.

Среди в целом малообразованных гвардейцев Потемкин выделялся умом, начитанностью и хорошими манерами. Он сразу обратил на себя внимание Екатерины II, и она приблизила его к себе. За участие в перевороте государыня пожаловала Григория Александровича камергером ко двору, званием подпоручика в Конногвардейском полку, 10 тыс. рублей и 400 душами крестьян. В качестве особой милости Потемкин был отправлен курьером в Стокгольм к русскому послу графу И. А. Остерману с известием о вступлении на престол новой императрицы.

Знание религиозных вопросов, а также связи в кругах высшего духовенства, заложенные Потемкиным еще в Москве, когда его духовным отцом и другом был митрополит Амвросий Зертис-Каменский, заставили Екатерину II направить молодого камергера в 1763 г. для работы в Синод. Императрица собственноручно составила для своего протеже инструкцию, из которой видно, что в должности помощника обер-прокурора он должен был способствовать подготовке секуляризации церковных земель. Во время работы Уложенной комиссии 1767 г. Григорий Александрович исполнял обязанности попечителя депутатов-инородцев и лиц неправославного исповедания. Именно тогда он познакомился с проблемами нерусских окраин империи и приобрел навык общения с их представителями.

После начала первой русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Потемкин отправился в действующую армию «волонтиром», то есть добровольцем, командовал кавалерийским отрядом, действовавшим в авангарде, и вскоре был произведен в генерал-майоры. Отличился в сражениях под Хотинном, при Фокшанах, Браилове, Ларге и Кагуле, принимал деятельное участие в занятии Измаила, разбил турок у реки Олты, взял множество вражеских судов и сжег город Цебры. «Кавалерия наша до сего времени не действовала с такою стройностью и мужеством, как... под командою... генерал-майора Потемкина»¹, – писал императрице командующий русскими войсками А. М. Голицын. Еще более лестны были отзывы о Григории Александровиче нового командующего П. А. Румянцева, который вскоре стал покровительствовать молодому генералу. «Не зная, что есть быть побуждаему на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребиться... Он во всех местах, где мы ведем войну, с примечаниями обращался и в состоянии подать объяснения относительно до нашего положения»², – сообщал фельдмаршал Екатерине II, отправляя Потемкина в 1770 г. с поручениями в Петербург. Именно придворная партия Румянцева оказала на первых порах поддержку Григорию Александровичу при его продвижении на пост фаворита.

Случай Потемкина приходится на 1774–1776 гг. Короткий, но бурный роман с Екатериной запечатлен в уникальном эпистолярном комплексе личных записок императрицы и ее возлюбленного, имеющем большое культурно-историческое значение для изучения придворного быта, русского языка и некоторых политических реалий того времени. Есть сведения (о которых мы будем подробнее говорить при разборе историографии), что в конце 1774 г. Екатерина тайно венчалась с Потемкиным в Петербурге, в церкви Самсония на Выборгской стороне. Морганатический брак с императрицей создавал для Григория Александровича особое положение в негласной иерархии при дворе: даже после окончания фавора Потемкин не покинул, подобно другим случайным, большой политики, а остался среди вельмож первой величины и вскоре снова добился исключительной власти. С другой стороны, этот же тайный брак создавал и тяжелую психологическую ситуацию во взаимоотношениях между супругами: будучи мужем, Григорий Александрович для сохранения секретности должен был внешне играть роль

¹ Русский Архив. 1867. № 7. Стб. 998.

² Чтение Общества истории и древностей российских. 1865. Т. II. С. 112.

фаворита. Для человека гордого, независимого и в то же время глубоко религиозного, каким был Потемкин, это оказалось нелегко.

За время фавора ему удалось помочь Екатерине II справиться с серьезным политическим кризисом, охватившим Россию в начале 70-х гг. XVIII в. Продолжалась первая русско-турецкая война, началось восстание Пугачева, при дворе сторонники великого князя Павла Петровича все громче заявляли о его правах на престол. Потемкин деятельно способствовал заключению скорейшего мира с Турцией, подписанного в 1774 г. в Кючук-Кайнарджи. Организовал спешную переброску армии в районы, охваченные крестьянской войной, где вместо инвалидов команд, подобных гарнизону Белогорской крепости в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, появились регулярные войска. Наконец, именно Григорий Александрович, тогда еще очень молодой политик, сумел обыграть в придворных интригах Н. И. Панина и предотвратить ряд заговоров в пользу цесаревича Павла. Недаром Екатерина в одной из записок признавала, что обязана Потемкину властью³.

Однако сосредоточение в руках у Потемкина столь серьезных полномочий вызвало единодушный протест у придворных группировок Паниных и Орловых, потребовавших замены фаворита. Опасаясь за жизнь возлюбленного и не желая потерять его для себя как сотрудника, Екатерина II вынуждена была согласиться. К этому времени назрел и разрыв сердечных отношений между ними. Ревность и подозрительность Потемкина доставляли императрице много горя, в свою очередь Григорий Александрович терзался из-за ветрености государыни. Все еще любя друг друга и очень страдая, Екатерина и Потемкин расстались, бывший фаворит уехал на инспекцию крепостей в Новгородской губернии, из которой он, по общему мнению придворных, не должен был вернуться.

Но Григорий Александрович вернулся. Сумев перебороть себя и признав за Екатериной право на следующего фаворита, которым стал П. В. Завадовский, Потемкин принялся за создание собственной придворной партии. Именно с возвращения в Петербург в 1776 г. и дебюта в роли главы новой группировки начинается биография князя как большого политика, фактически управлявшего Россией в последующие 15 лет.

Благодаря так называемой «русской» партии (в отличие от «прусской» партии, поддерживавшей наследника престола) Потемкину удалось оттеснить от руководства страной прусски настроенные круги государственных деятелей во главе с вице-канцлером Н. И. Паниным и противопоставить его идеям «Северного аккорда» – союза России, Пруссии, Швеции, Дании и Польши при ведущей роли Берлинского двора – идею продвижения России на юг, обладания северным побережьем Черного моря с дальнейшим установлением доминирования над Дунайскими княжествами и Северным Кавказом. Эти изменения позволили Российской империи отказаться от роли государства-сателлита, входящего в чужой альянс, и впервые со времен Петра Великого выступить в роли блокового центра.

Для реализации названных целей Российская империя вступает в подготовленный Потемкиным союз с Австрией, также продвигавшейся на юг, оттесняя Османскую Порту с завоеванных ею земель. В сложнейших условиях общеевропейского кризиса Потемкину удалось вывести Россию победительницей из войны на два фронта, с Турцией и Швецией в 1787–1791 гг., и тяжелого противостояния с коалицией европейских держав, так называемой «лигой» Англии, Пруссии, Швеции, Турции и Польши, сложившейся в условиях крушения старых традиционных блоков в годы Французской революции и пытавшейся погасить свои внутренние противоречия за счет раздела русских земель.

³ РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 147.

Общая характеристика проектов Потемкина

В своей деятельности Потемкин руководствовался идеями, выдвинутыми им в крупных проектах, носивших яркую геополитическую направленность. Таковы его записки «О Крыме», «О Польше», «О Швеции» и примыкавшие к ним документы официального характера. Эти материалы до сих пор не подвергались ни источниковедческому, ни общеисторическому исследованию. Между тем именно в них сосредоточены главные идеи, ставшие ведущими во внешней политике второй половины екатерининского царствования и в конечном счете заложившие основы для дальнейшей геополитики Российской империи в данных регионах.

В силу высокого официального положения Потемкина и особенностей его личных взаимоотношений с императрицей проекты светлейшего князя отличаются, с одной стороны, высоким уровнем секретности, с другой – предельной откровенностью в определении целей внешней политики России и методов их осуществления. Недаром главные инициативные документы из этих проектов находятся среди переписки Екатерины и Потемкина. По форме они чрезвычайно близки к эпистолярному наследию императрицы и светлейшего князя, а сами корреспонденты называли их «записками». Документы же, рассказывающие о дальнейшем процессе разработки и приведении в исполнение проектов, сохранились среди материалов военного ведомства, Коллегии иностранных дел, Кабинета Екатерины II, канцелярии Потемкина.

От политических проектов, созданных предшественниками и современниками Потемкина (А. П. Бестужевым-Рюминым, П. И. Шуваловым, Н. И. Паниным), проекты светлейшего князя отличаются рассмотрением затронутых в них вопросов с точки зрения интересов России, обусловленных именно ее географическим положением. В них затрагиваются вопросы об особенностях государственных границ России, само положение которых диктует государству серьезные мероприятия в области национальной политики; о принципах стабильности и нестабильности отдельных участков этих границ; о необходимости строительства армии в соответствии с реальными условиями защиты протяженных рубежей огромной страны, где чередуются различные климатические ландшафты, влияющие на условия боя и диктующие особенности соотношения родов войск, обучения и обмундирования солдат в различных регионах, от Причерноморских степей до болот Белоруссии, скал и фьордов Балтийского побережья. Особо рассматриваются вопросы о взаимоотношениях государственной власти с различными народами, населяющими империю: какие из них и на каких условиях (привилегиях и службах) могут быть привлечены к общему процессу строительства и охраны государства, а их правящие слои войти в состав российского дворянства на равных правах (славянские и кочевые народы, немцы, грузины и др.), а какие путем получения некоторых льгот удерживаются в положении внешней лояльности к России, но не должны привлекаться к службе из-за их ненадежности в силу прошлой исторической судьбы (финны, коренное население прибалтийских губерний, в отличие от немецкого дворянства, крымские татары). Подробно разбираются вопросы о выгоды и невыгоды различных внешних союзов для России.

Расширение границ империи и включение в нее новых народов ставилось Потемкиным в прямую зависимость от этнических, культурных и религиозных особенностей присоединяемых территорий. Для Потемкина было характерно понимание особенностей русской экспансии как экспансии молодого народа, только еще намечающего общие границы, в которых будет протекать его историческая судьба. Во-первых, эту экспансию осуществлял этнически не замкнутый народ, способный к широкому включению в себя других народностей. Во-вторых, русская экспансия проводилась по земле, а не по морю, как у большинства европейских народов, колонисты не видели ясной границы, отделяющей населенные ими земли от территории, с которой они пришли, и воспринимали вновь присоединенные земли как продолжение единой родины. Наконец, в-третьих, культурно-религиозная особенность русской экспансии состояла

в том, что все православные единоверцы воспринимались как некая единая духовная общность, породненная свыше, которая смотрит на Россию как на свою покровительницу и освободительницу от ига иноверцев. Огромная православная империя и ее подданные ощущали право на помощь единоверцам и постепенное включение их в состав единого государства. Кроме того, продвижение на новые земли осуществлялось народом, чья культура сложилась под основным влиянием новозаветной традиции, не позволявшей, в отличие от ветхозаветной, уничтожать на присоединенных землях «все дышащее». Эти черты в отдельности присущи экспансионизму различных народов: римлян времен поздней империи (продвижение главным образом по земле, а не по морю), викингов (этническая незамкнутость), испанцев (новозаветная традиция), – однако в сочетании друг с другом они создали совершенно уникальное явление, характерное только для России.

Проекты Потемкина в кругу внешнеполитических планов его современников

Прежде чем непосредственно приступить к разбору документов светлейшего князя, мы считаем важным рассмотреть проекты Потемкина в кругу внешнеполитических планов его современников. Поскольку именно тогда впервые были высказаны идеи, заложившие основы дальнейших внешнеполитических теорий, столь ярко повлиявших на историческую судьбу России в XIX–XX вв.

Так, в первую половину царствования Екатерины II, когда во внешней политике России почти безраздельно господствовала так называемая «прусская» партия, возглавляемая первоприсутствующим, то есть фактическим руководителем, Коллегии иностранных дел и воспитателем наследника престола графом Никитой Ивановичем Паниным, идея неизбежного сближения между Россией и Пруссией, столь часто и драматично оживавшая на протяжении XIX и XX вв., получила свое наиболее раннее теоретическое обоснование. Уже в 1764 г., всего через пару лет после переворота 28 июня 1762 г., Панин использовал проект русского посла в Дании Н. А. Корфа об основах русско-датского альянса против Швеции для создания своего, более масштабного документа. Творчески переработав предложения Корфа, Панин вносит в альянс еще одного союзника – Пруссию и еще одну контролируемую сторону – Польшу, а затем выступает перед императрицей с широко известной впоследствии концепцией «Северного аккорда» – то есть союза России, Пруссии и Дании, как держав «активных», призванных контролировать Северную и Центральную Европу, подчиняя своей воле державы «пассивные», в частности Польшу и Швецию⁴.

Этот проект Панина – Корфа уже нес в себе зерна традиционных для сторонников русско-германского альянса рассуждений о Пруссии как о «естественном союзнике» России в Центральной Европе, о «непротиворечивости» интересов двух держав и необходимости государств с «активной» внешнеполитической линией разделять свои сферы влияния над странами «пассивными», погруженными во внутренние неурядицы, умело подогреваемые извне.

Этот проект не получил реального воплощения, хотя вынужденная для России в начале царствования Екатерины II близость с берлинским двором, которую много лет спустя, уже в годы второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг., императрица в письме Г. А. Потемкину назовет «пруссим гнетом», продолжалась до начала 80-х гг. Она была расторгнута только после подрыва «русской» партией светлейшего князя влияния «пруссим» группировки.

Сразу оговоримся, понятия «пруская» и «русская» партии заимствованы историографией из донесений иностранных дипломатов при петербургском дворе⁵, они не употреблялись самими сторонниками данных группировок. В обе партии входило много как русских вельмож, офицеров и чиновников, так и иностранцев на русской службе. Сторонники «русской» партии базировали свои взгляды на идеях канцлера Андрея Ивановича Остермана, высказанных еще в 30-х – начале 40-х гг. XVIII в. Остерман считал, что империи следует держаться своих собственных, «особенных» интересов, не подпадая под влияние какого-либо иностранного двора⁶. Многочисленная и, по удачному выражению английского посла сэра Джеймса Гарриса, «привыкшая властвовать» «прусская» партия, напротив, была убеждена, что Петербург недостаточно силен, чтоб самостоятельно действовать на международной арене и добиться успеха только в союзе с Берлином.

⁴ Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XIV. История России с древнейших времен. Т. 27–28. М., 1994. С. 168–171.

⁵ Horace Waipoie's Correspondence/Ed. W. S. Lewis. New Heawen. 1967/Vol. 23. P. 240.

⁶ Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 1–5.

Высказанные Н. И. Паниным идеи о необходимости прочного альянса с Пруссией были повторены его учеником великим князем Павлом Петровичем в 1773 г., уже в новых политических условиях. Начало 70-х гг. – канун совершеннолетия наследника престола и время, последовавшее за женитьбой цесаревича в 1773 г. на принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадтской (в православном крещении Наталье Алексеевне), – отмечено множеством сообщений иностранных дипломатов, аккредитованных при русском дворе, о старании представителей «прусской» партии и лично Панина вынудить императрицу либо передать власть сыну, либо согласиться на «со-регентство» с ним⁷.

В этой обстановке в 1774 г. молодой великий князь без каких бы то ни было намеков со стороны августейшей матери отваживается подать ей пространную записку с размышлениями о политическом положении России «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребных для защиты оного и касательно обороны всех пределов». В ней через призму рассмотрения чисто военных вопросов Павел старался показать несостоятельность, на его взгляд, внешнеполитического курса России того времени, то есть первой русско-турецкой войны и вообще попыток решить вопрос взаимоотношений с Турцией и Крымом военным путем⁸. Великий князь вновь, как 9 лет назад Панин, говорит о неизбежной близости интересов Петербурга и Берлина в Европе и на Балтике, от себя он добавляет рассуждения о необходимости жестко регламентировать все стороны жизни страны на прусский манер, перестроить войска по образцу «лучшей армии мира» – армии Фридриха Великого. Записка была подана как раз тогда, когда сама императрица работала над «Учреждением о губерниях», обнародованным в следующем, 1775 г., и ясно рисует отношение Павла к внешней и внутренней политике матери.

В названном проекте заметно сильное влияние идей Панина. К его составлению привлекались секретари Никиты Ивановича – Денис Иванович Фонвизин и Петр Иванович Бакунин, то есть как раз те лица, которые вместе с Паниным в это же время трудились над конституционным актом, долженствовавшим ознаменовать вступление Павла на престол, а затем оказались участниками заговора 1773 г. в пользу цесаревича⁹. Можно сказать, что рукой Павла Петровича во внешнеполитической части проекта водил Панин, но ученик шел дальше своего учителя, предлагая не просто установить «сердечное согласие» и дружбу с берлинским двором, а полностью изменить жизнь России по прусскому образцу. При этом молодой Павел не замечал никаких препятствий для осуществления своих идей ни в культуре, ни в принципиальной разнице географического и военного положения двух стран.

Следует, однако, отметить одно существенное различие между планами «ученика» и «учителя». Если в вопросах развития внешней политики России они совпадали, то внутренняя политика государства виделась Панину и великому князю по-разному. Даже за два дня до своей смерти в марте 1783 г. Никита Иванович продолжал убеждать будущего императора установить после восшествия на престол конституционную монархию¹⁰. Умение великого князя не сказать в таких случаях ни «да», ни «нет» порождало у сторонников Павла Петровича много иллюзий насчет будущей конституционной реформы. Однако наиболее ранний из самостоятельно составленных им проектов выдержан в гораздо более самовластном духе, чем «Учреждения о губерниях» Екатерины II, носившие яркую тенденцию централизма и укрепления государственного аппарата.

⁷ Эйдельман Н. Я. Грань веков//В борьбе за власть. Страницы политической истории XVIII века. М., 1988. С. 309–310, 317–318.

⁸ Сорокин Ю. А. Павел I//ВИ. 1989. № 2. С. 50.

⁹ Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 317–319.

¹⁰ Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина//Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. Л., 1974. С. 280.

«Рассуждение...», а также написанное в близкое время «Мнение о государственном казенном правлении и производстве дел по свойству их рассмотрения и распоряжения его зависящих», где цесаревич предлагает отказаться от выборности дворянских судей в нижних земских судах, отменить генерал-губернаторов, как лиц, мешающих осуществлению принципа единоначалия во взаимоотношениях между императором и губернаторами, подрывают образ молодого Павла как либерала и конституционалиста. Но вернемся к области внешней политики.

Сам факт подачи «Рассуждения...» свидетельствовал об уверенности сторонников «прусской» партии в силе своих позиций. Однако их чаяниям на скорую замену царствующей особы на русском престоле не суждено было сбыться. После раскрытия заговора в пользу Павла осенью 1773 г. Екатерина II вызывает с фронта своего старого друга генерал-майора Потемкина, который до войны много работал под ее руководством, и вводит его в фавор¹¹.

Борьба за независимый, самостоятельный от видов Пруссии курс подталкивала Россию к сближению с Австрией, также стремившейся к разделу европейских земель Оттоманской Порты, как и Россия. Союз двух держав был заключен весной 1781 г. в необычной форме обмена письмами между императрицей Екатериной II и императором Священной Римской империи Иосифом II. За «альянс» с цесарцами выступала плеяда молодых политиков, в первую очередь Потемкин и Александр Андреевич Безбородко. Потемкин видел в сближении с Австрией временную меру и считал, что постоянным принципом русской политики в Центральной Европе должно быть поддержание равновесия сил между немецкими государствами и создание препятствий для усиления одного из них¹². В отличие от светлейшего князя Безбородко и влиявшие на него Петр Васильевич Завадовский и Александр Романович Воронцов считали Австрию постоянным союзником России. Они согласились принять от Иосифа II крупные денежные субсидии и составили при дворе весьма влиятельную проавстрийскую партию, известную в мемуарной литературе и дипломатической переписке под названием «социетет».

Политический вес этого круга вельмож уже в 1780 г., после свидания Екатерины II и Иосифа II в Могилеве, был достаточен для того, чтоб Безбородко мог подать императрице составленный им в сентябре «Мемориал по делам политическим», проектировавший условия союзного договора с Австрией и предусматривавший последующее расчленение Турции¹³. Этот документ, привлекавший к себе внимание исследователей куда меньше, чем знаменитый «Греческий проект», уже нес в себе идеи, позднее развитые в письме Екатерины II Иосифу II 10 (21) сентября 1782 г., считающемся изложением «Греческого проекта». В связи с этим уместно было бы задаться вопросом, насколько воронцовская партия вообще причастна к написанию черновика данного документа? Мы постараемся осветить обстоятельства возникновения названного письма ниже, когда будем подробно разбирать проект Потемкина «О Крыме».

Непосредственным поводом для составления письма послужил встревоженный запрос австрийского посла в Петербурге графа Людвиг Кобенцеля о событиях в Крыму весной 1782 г., где началось восстание против хана Шагин-Гирея, ставленника России. Безбородко посоветовал императрице непосредственно обсудить с Иосифом II «соглашение о приобретениях» за счет Порты, буде она нарушит пункты Кючук-Кайнарджийского мира. Екатерина II поручила ему составить черновой текст письма, которое и следует считать протографом «Греческого проекта», официально так никогда и не оформленного в виде отдельного документа. Входящее в текст письма «Соглашение о приобретениях» предусматривало: полное изгнание турок из Европы, восстановление Греческой империи, корона которой предназначалась внуку императрицы Константину Павловичу, образование из Молдавии и Валахии буферного госу-

¹¹ Бартенев П. И. Брак Екатерины II//РА. 1906. № 11. С. 613–616.

¹² Маркова О. П. О происхождении так называемого Греческого проекта//История СССР. 1958. № 4. С. 56.

¹³ Григорович Н. Канцлер Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями своего времени//Сб. РИО. 1881. Т. 29.

дарства Дакии, приобретение Россией Очакова с областью и одного-двух островов в Архипелаге Адриатического моря, а Австрией – практически всей западной части Балканского полуострова¹⁴.

Вопрос о соотношении неосуществленного «Греческого проекта» и успешно реализованного проекта присоединения Крыма весьма сложен и многогранен. Во-первых, до сих пор до конца не выяснено авторство «Греческого проекта». Хотя инициативные документы этого проекта написаны рукой Безбородко, изучение бытования идеи захвата Константинополя в русском обществе того времени, а также черновых документов, относящихся к подготовке данного проекта, показывает, что проект был составлен Безбородко в ответ на запрос императрицы и по ее прямому указанию.

Во-вторых, трудно сказать, чем на самом деле являлась записка Потемкина «О Крыме»: альтернативным проектом, который перечеркивал «Греческий проект» Безбородко; тайным проектом, который русская сторона старалась осуществить под прикрытием «Греческого проекта»; или первым шагом на пути реализации грандиозных планов воссоздания Греческой империи?

Один из путей решения этого вопроса – обращение к исторической традиции, результатами которой явились оба проекта. На первый взгляд они реализовывают одну и ту же линию русской внешней политики – активное продвижение на юг, на земли, подвластные Турецкой империи. Однако цели этого продвижения различны. В «Греческом проекте» – это обладание Константинополем и вместе с ним контроль над черноморскими проливами. В записке «О Крыме» – это уничтожение Крымского ханства – векового врага России, установление стабильной границы по морю, предотвращение постоянного оттока рабочих рук с южных земель империи вследствие постоянных набегов крымских татар, уводивших громадные полоны пленных на средиземноморские рынки Оттоманской Порты.

Изучение истории возникновения идеи захвата Константинополя-Царьграда позволяет сказать, что впервые четко она была высказана еще Петром I, перед Азовскими походами 1695–1696 гг. Император непосредственно не ставил перед собой подобной цели, но в связи с чтением летописных текстов о походах Олега на Царьград в 911 г. высказывался за необходимость для России изгнать турок из Европы¹⁵. Затем подобные суждения высказывали фельдмаршал Б. Х. Миних, А. И. Остерман, а сама Екатерина II не раз использовала идею захвата Константинополя как тему для конфиденциальной беседы со своим союзником австрийским императором Иосифом II и переписки с ним. Таким образом, «Греческий проект» как бы венчал петровское направление русской внешней политики на юге.

Что касается Записки «О Крыме», то ее идеи восходят к другим, более ранним документам, в частности к требованиям правительства царевны Софьи Алексеевны времен неудачных походов в Крым князя В. В. Голицына 1687–1689 гг. Тогда русская сторона предъявляла к Турции в отношении Крыма как раз те претензии, которые смогла реализовать только через сто лет: возвращение Крыма России, выезд из него татарского населения, возвращение русских пленников без выкупа, передача России крепостей Очакова в устье Днепра и Азова в устье Дона¹⁶.

Необходимо признать, что два проекта – «Греческий» и «Крымский» – были выдвинуты разными политическими партиями, действовавшими при русском дворе. Проекты ставили перед Россией совершенно разные цели. «Греческий» нацеливал страну на решение грандиозной задачи полного изгнания турок из Европы силами двух союзных государств с возможным привлечением Франции и Англии и раздела владений Оттоманской Порты между этими государствами. Проект «Крымский» предусматривал присоединение полуострова к империи и

¹⁴ Тиктопуло Я. Мираж Царьграда. О судьбе Греческого проекта Екатерины II//Родина. 1991. № 11–12. С. 59–60.

¹⁵ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 57.

¹⁶ Там же.

уничтожение ханства силами одной России. Именно этот проект и был впоследствии успешно реализован.

Таким образом, можно сказать, что Потемкин фактически подменил один проект другим, сузив грандиозные цели первоначального документа до размеров реально осуществимой силами одной России внешнеполитической акции. По мысли светлейшего князя, уничтожение Крымского ханства ставило точку в длительной борьбе России с осколками Золотой орды.

Однако сам по себе выход России к берегам Черного моря и обладание Крымом неизбежно ставили перед ней те вопросы, ответы на которые и содержались в «Греческом проекте». В переписке императрицы и светлейшего князя проблема о прохождении черноморских проливов поднималась не раз. К возможности ее решения через воссоздание «империи Константиновой» оба корреспондента относились серьезно, как к перспективному плану, рассчитанному на долгий срок, трудную дипломатическую работу, возможные военные столкновения, но вполне осуществимому при благоприятных внешнеполитических условиях, например при создании общей европейской коалиции для изгнания турок из Европы и раздела их земель.

В качестве конкретных официальных документов, а не обмена мнений в эпистолярном диалоге Потемкин выдвигал и разрабатывал проекты сугубо прагматичного характера, решавшие насущные вопросы внешней политики России того времени, осуществимые силами только самой империи и, что очень важно, имевшие глубокую историческую традицию. Таковы его так называемые записки «О Крыме» 1782 г., «О Польше» 1788, 1790, 1791 гг. и примыкающие к ним многочисленные документы делопроизводственного характера. Ниже мы подробно будем характеризовать эти материалы и обстоятельства их возникновения.

Смерть Потемкина в октябре 1791 г. прервала осуществление многих его планов. Реализацией целого ряда выдвинутых им проектов правительство Екатерины II занималось в последние годы царствования, в изменившихся политических условиях, руками людей, не всегда четко понимавших основные идеи светлейшего князя и подгонявших его предложения под новую международную ситуацию.

В кругу заметных внешнеполитических проектов конца екатерининской эпохи следует назвать «Персидский проект» последнего фаворита императрицы П. А. Зубова, поданный им государыне в 1796 г., во время войны с Персией из-за нападения на Грузию Астарабадского хана. Успешные действия русских войск, которыми руководил брат временщика В. А. Зубов, взятие Дербента и Баку, позволили Российской империи расширить территориальные приобретения в Закавказье и получить, как предлагал Зубов, господство над западным побережьем Каспийского моря¹⁷. Смерть императрицы положила конец военным операциям, однако сама идея продвижения империи в Закавказье имела большое будущее и постепенно осуществлялась при внуке Екатерины II – Александре I в течение первой четверти XIX в.

Важно отметить, что вопрос о принадлежности проекта собственно перу Платона Зубова вызывает сомнения. Последний статс-секретарь Екатерины II А. М. Грибовский, тесно работавший с Зубовым в годы его фавора, сообщает, что А. А. Безбородко, к которому после смерти светлейшего князя в 1791 г. попала значительная часть бумаг покойного, позднее передавал многие документы Потемкина новому фавориту, стараясь тем самым поддержать свое угасающее влияние на дела¹⁸.

Существуют свидетельства, что в 1774–1776 гг. Потемкин составлял для Екатерины проект по персидским делам. В бумагах Григория Александровича встречаются записки императрицы, содержание которых сходно с идеями «Персидского проекта» Зубова, но относящиеся к Северному Кавказу. Например, записка «Об Осетии», поданная во время путешествия Екатерины II на юг в 1787 г., когда ей были представлены старейшины осетинских племен, про-

¹⁷ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. Т. 2. М., 1991. С. 515–516.

¹⁸ Грибовский А. М. Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1989. С. 14.

сившие покровительства. Однако протографов потемкинских документов, касающихся Персии, не обнаружено.

Очертив круг идей и концепций, среди которых создавались проекты Потемкина, мы можем непосредственно перейти к их изучению.

Архивный и археографический очерк

В основу данной работы положены архивные материалы, хранящиеся в РГАДА, ГАРФ, РГВИА и АВПр. В архиве Древних Актов, среди документов переписки императрицы Екатерины II и Г. А. Потемкина (Ф. 1, Ф. 5), а также материалов Кабинета Екатерины II (Ф. X) сосредоточены многие важные памятники, относящиеся к истории создания проектов Потемкина, в частности некоторые инициативные записки на имя императрицы. В ГАРФ между собраниями бывшей Библиотеки Зимнего Дворца (Ф. 728) сохранились отдельные документы, освещающие историю разработки проектов Потемкина. Военно-исторический архив обладает уникальным фондом документов канцелярии Г. А. Потемкина (Ф. 52), где находится множество сопутствующих материалов к проектам светлейшего князя. Большой комплекс документов, относящихся к созданию и реализации крупных внешнеполитических проектов Потемкина, сохранился в архиве внешней политики России среди так называемых «Мнений Коллегии иностранных дел» (Ф. 5).

Поскольку проекты светлейшего князя хранятся среди его переписки с Екатериной II, то подробный архивный обзор складывания комплекса этих документов и его бытования на протяжении последних 200 лет дан в нашей предшествующей монографии «Переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны (1787–1791)»¹⁹. Иначе обстоит дело с публикацией проектов. В отличие от переписки, из проектов Потемкина была издана лишь записка «О Крыме», остальные остаются пока практически неизвестны.

С. М. Соловьев в «Истории падения Польши»²⁰, увидевшей свет в 1863 г., впервые привел пространный отрывок одного из вариантов записки Потемкина «О Крыме», но умолчал о ее тесной связи с документами, касающимися так называемого «Греческого проекта». Именно по изданию Соловьева все последующие историки цитировали документ, на основании которого было осуществлено присоединение Крыма. Подготавливая свою книгу, Сергей Михайлович трудился в Архиве министерства иностранных дел, где среди так называемых «Мнений КИД» (Коллегии иностранных дел) обнаружил значительное число писем Екатерины II и Г. А. Потемкина за 1783–1791 гг., а между ними и черновик письма императрицы Иосифу II от 10 сентября 1782 г. с приложенным проектом «О Крыме».

Археографическое воспроизведение Соловьевым текста проекта очень корректно, ученый позволил себе лишь расставить современные ему знаки препинания и кое-где исправить орфографию XVIII в. на более привычное для второй половины столетия написание слов. К сожалению, исследователь ничего не знал ни о существовании более раннего меморандума по крымским делам, уже несшего в себе идеи записки «О Крыме», ни о широком круге делопроизводственных документов, отражающих дальнейшее развитие и воплощение планов Потемкина в жизнь и хранившихся в канцелярии светлейшего князя.

Одним из них было «Рассуждение российского патриота о бывших с татарами войнах и о способах, служащих к прекращению оных навсегда». Этот источник не сохранился до наших дней и известен только по публикации. До революции он находился в Тавельском архиве В. С. Попова – начальника канцелярии Потемкина и был издан на рубеже 1917–1918 гг. Г. В. Вернадским в маленькой брошюре без указания даты. Этот документ посвящён мерам, которые необходимо было принять русскому правительству после присоединения Крыма, чтоб привязать полуостров к империи²¹.

¹⁹ Елисеева О. И. Переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны (1787–1791). М., 1997. С. 10–34.

²⁰ Соловьев С. М. История падения Польши. М., 1863. С. 156–157.

²¹ Вернадский Г. В. Записки о необходимости присоединения Крыма к России. б. г. С. 9–10.

Полностью записка «О Крыме» увидела свет в 1997 г., благодаря изданию современного российского публикатора В. С. Лопатина переписки Екатерины II и Г. А. Потемкина²². Так же как и у Соловьева, документ, связанный с черновиком письма императрицы к Иосифу II, при публикации выступает отдельно, как совершенно самостоятельный источник. Это объясняется общим подходом историка к проблеме. У Потемкина «нет и намека на геополитические фантазии в духе Греческого проекта (написанного А. А. Безбородко)», пишет Лопатин.

Однако знаменитая записка Потемкина «О Крыме» существует как приложение к черновику письма Екатерины II Иосифу II 1782 г., и с делопроизводственной точки зрения оба документа составляют единое целое. Потемкинский текст начинается с помет на полях черновика Безбородко и постепенно перетекает на другой лист, поэтому нельзя предположить, что «Крымский» проект вложен в бумагу с описанием «Греческого» гораздо позднее. Идеино они действительно противостоят друг другу, о чем мы уже говорили. Связь с черновиком Безбородко позволяет и более точно датировать потемкинскую записку. Не «до 14. XII. 1782 г.», как предлагает Лопатин, поскольку «14. XII. 1782 г. помечен секретнейший рескрипт Екатерины II Потемкину о необходимости присоединения Крыма»²³, а «не позднее 10 (21). IX. 1782», поскольку это число стоит на беловике письма Екатерины к австрийскому императору.

Как мы видим, из всех проектов Г. А. Потемкина в настоящее время издан только один. Остальные еще ожидают своей публикации и серьезного научного комментария.

²² Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. М., 1997. С. 154–155.

²³ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. М., 1997. С. 726.

Цели и задачи исследования

Цель настоящей работы – показать, что именно проекты Потемкина лежали в основе реальной внешнеполитической линии, которую проводило русское правительство во второй половине царствования Екатерины II. Автор ставит перед собой *задачи* эвристического, источниковедческого и историко-аналитического характера. Проанализировать содержание основных проектов светлейшего князя, изучить конкретные обстоятельства их создания и воплощения в жизнь, показать преемственность этих документов по отношению к традиционным направлениям внешней политики России и в то же время оригинальность в осмыслении коренных для русской дипломатии и военной мысли вопросов.

Комплекс вопросов, связанный с исследованием происхождения названных источников, включает в себя условия их возникновения, конкретные обстоятельства, повлиявшие на создание текста этих документов. Важным представляется вопрос о коллективном авторстве материалов, входивших в проекты, ведь свои идеи светлейший князь письменно в форме записок обсуждал с императрицей, Екатерина оставляла многочисленные пометы на полях и целые послания, посвященные сути какого-либо документа, нередко между корреспондентами возникали споры по различным вопросам. Кроме того, промежуточные беловики документов, превращавшиеся в процессе работы в черновики, а также окончательный текст документа переписывались статс-секретарями императрицы, в частности Безбородко, который иногда высказывал свои соображения и дополнения. В связи со всем вышесказанным становится ясной необходимость текстологического анализа материалов, входивших в проекты.

Наконец, следует рассмотреть проекты Потемкина в контексте реальных политических потребностей Российской империи того времени, показать их новизну в сравнении с идеями предшественников, влияние на развитие русской политической мысли, раскрыть значение осуществления идей светлейшего князя для дальнейшей судьбы России и входивших в ее состав народов.

Отдельной задачей автор ставит перед собой рассмотрение историографии, посвященной Г. А. Потемкину. Отсутствие ее обобщающего обзора приводит к целому ряду устоявшихся заблуждений как о личности самого светлейшего князя, так и о степени неизученности связанной с его деятельностью исторической проблематики. Мы считаем необходимым исследовать имеющийся к настоящему времени историографический материал, чего ранее никогда не делалось.

Историография

Вопреки широко распространенному в научной литературе мнению, деятельность Г. А. Потемкина вовсе не обойдена вниманием историков. Из всей когорты «екатерининских орлов» отдельных монографий удостоились только Потемкин и Безбородко. (В данном случае мы не говорим о полководцах – П. А. Румянцеве, А. В. Суворове и Ф. Ф. Ушакове, – написание биографий которых поощрялось и в советское время.) Среди остальных сподвижников великой императрицы Григорий Александрович далеко опережает остальных по числу созданных о нем трудов. При этом потемкинская историография имеет свои традиции, заложенные еще М. М. Щербатовым. В ней четко обозначены противостоящие друг другу лагеря и круг нерешенных проблем. Ее развитие определялось полуторавековыми усилиями публикаторов исторических источников, преодолевавших устойчивую анекдотическую традицию изображать Григория Александровича как сибарита, капризного и бездарного временщика.

Потемкину посвящено около полусотни трудов, от монографий до небольших статей на русском, английском, немецком и французском языках. Однако сам феномен личности светлейшего князя, весь свой творческий гений посвятившего созданию могущества Российской империи, отталкивает русское либеральное сознание, что, без сомнения, мешает работам о деятельности Потемкина занять достойное место в общей историографии екатерининского царствования. Один из наиболее ядовитых и наблюдательных мемуаристов начала XIX в. Ф. Ф. Вигель достаточно точно нащупал главную причину того, почему общество не оценило труды и заслуги Потемкина. «В своей карьере он отдал все лучшие силы государственной деятельности, – писал литератор. – Мог ли он рассчитывать на общественное признание?»²⁴ В России времен Екатерины II идейное и духовное противостояние общества и государства еще только начиналось, но уже тогда порой принимало формы непримиримого отрицания с обеих сторон.

Однако если не на «признание», то по крайней мере на живейший интерес Потемкин рассчитывать мог. Существует достаточно большой круг как русской, так и иностранной литературы о Г. А. Потемкине: от поэтических од и романов до политических памфлетов и эпилграмм. Доля исторических трудов среди остальных произведений сравнительно невелика.

1. «Лицом к лицу лица не увидать»

Уже при жизни светлейшего князя его деятельность привлекла к себе внимание современников. Появились первые попытки осмыслить громаду совершенных им изменений во внешней политике и административном управлении России. Так, известный дворянский историограф князь М. М. Щербатов – мыслитель, отличавшийся резкими правоконсервативными взглядами и остро критиковавший правительство Екатерины II, в котором для него не нашлось места, – уделил немало внимания феномену личности Потемкина, как ближайшего сподвижника государыни. Императрица, по мнению Щербатова, оказалась чересчур либеральна в своих начинаниях, отталкивала родовитую знать и приближала низкородных выскочек, слишком увлекалась современными ей политическими теориями и была не тверда в вере. «Мораль ее состоит на основании новых философов, то есть не утвержденная на твердом камне закона Божия, – писал историк, – и потому, как на колеблющихся светских главностях есть основана, с ними обще колебанию подвержена... Ее пороки суть: любострастна... исполнена пышности во всех вещах, самолюбива до бесконечности... принимая все на себя, не имеет попечения об исполнении и, наконец, толь переменчива, что редко и один месяц одинакая у ней система в рассуждении правления бывает»²⁵.

²⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. Т. II. М., 1828. С. 233.

²⁵ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России//Столетие безумно и мудро. Век XVIII. М., 1986. С. 375–376.

При подобной оценке самой Северной Минервы все ее ближайшие сотрудники, а тем более любимцы, подвергались еще более ожесточенной критике. Чем ближе стоял тот или иной вельможа к трону Екатерины II, тем страшнее и разрушительнее для России становилась в глазах Щербатова его деятельность. В таких условиях Потемкин не имел шанса удостоиться доброго слова. Под пером историографа он, как злодей из романов маркиза де Сада, наделен всеми мыслимыми и немыслимыми пороками. «Потемкин – властолюбие, пышность, подбострастие ко всем своим хотениям, обжорливость и, следовательно, роскошь в столе, лесть, сребролюбие, захватчивость и, можно сказать, все другие знаемые в свете пороки, которыми или сам преисполнен, или преисполняет окружающих его, и тако дале в империи»²⁶.

Даже в публичных выступлениях Щербатов выражал недоверие к военно-административным мероприятиям, проведенным Потемкиным на юге, обвинял наместника в сознательном провоцировании конфликта с Османской Портой. Деньги, потраченные на освоение новых земель в Причерноморье, строительство там городов и создание флота, назывались выброшенными на ветер²⁷. В условиях начавшейся второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. это выглядело уже не просто как аристократическое фрондерство, но и как сознательный подрыв доверия к командующему армией со стороны дворянского общества Москвы и ложилось в контекст сложной придворной борьбы, захватившей обе столицы²⁸.

Позиция Щербатова была близка к позиции Алексея Григорьевича Орлова, проживавшего в Москве не у дел. В начале войны герой Чесмы направляется в Петербург, где, сблизившись с противниками светлейшего князя – А. Р. Воронцовым и П. В. Завадовским, – высказал Екатерине II как бы «общую» точку зрения вельмож, не принимавших политики Потемкина: «Занимаясь делами на полдне (на юге. – *О. Е.*), привели государство в совершенную разстройку, и... столица здешняя находится в совершенной опасности (от шведов. – *О. Е.*)... Солдаты наши ни ходить, ни стрелять не умеют, ружья имеют негодные и вообще войски наши и в одежде, и во всем никогда так дурны ни были, как теперь»²⁹. Эти устные обращения к императрице, имевшие целью дискредитировать в ее глазах светлейшего князя как главу военного ведомства и как наместника на юге, содержат много общего с текстом Щербатова, который зафиксировал в своем памфлете и в публичных выступлениях не только личную точку зрения, но и умонастроение целой группы крупных вельмож, видевших в деятельности Потемкина едва ли не целенаправленное разрушение государства. Екатерина II встретила донос как личное оскорбление и, по словам управляющего Потемкина в Петербурге М. Н. Гарновского, «дала с негодованием чувствовать, что, царствуя 25 лет, никогда она по своей должности упущения не сделала».

Щербатов не знал о существовании проектов Потемкина, на основе которых осуществлялись критикуемые им внешнеполитические акции правительства Екатерины II, но историк дает развернутую негативную характеристику результатов русской внешней политики своего времени, не находя в ней ни единого полезного для России дела. «...Взяли в защищение диссидентов, – пишет Щербатов о польских делах. – И, вместо того, чтобы стараться сих утешенных за закон в Россию к единоверным своим призывать, ослабить тем Польшу и усилить Россию, через сие подали причину к турецкой войне... поболе России стоящей, нежели какая прежде бывшая война... Разделили Польшу, а тем усилили и австрийский, и бранденбургский

²⁶ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России//Столетие безумно и мудро. Век XVIII. М., 1986. С. 378.

²⁷ Щербатов М. М. Ответ на вопрос: что думать следует о поступке нашего двора в рассуждении нынешней турецкой войны (июль 1788). – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Январь-март. Кн. 1. С. 860.

²⁸ См. подробнее мою книгу «Вельможная Москва». М., 1997. С. 43–45.

²⁹ Гарновский М. Н. Записки//РС. 1876. Т. 16. № 5. С. 28.; РС. 1876. Т. 16. № 6. С. 207.

домы, и потеряли у России сильное действие ея над Польшею. Приобрели, или лучше сказать, похитили Крым, страну, по разности своего климата служащую гробницею россиянам»³⁰.

Итак, даже самое важное и удачное, по общему признанию, дело Потемкина – присоединение Крыма – подвергнуто безжалостному остракизму. За что? Ответ на этот вопрос следует искать не столько в политических симпатиях и антипатиях князя Щербатова, сколько в его философских и историософских концепциях. Михаил Михайлович был одним из главных основоположников русской правой консервативной мысли, продолжая при этом аристократические традиции в историографии, уходящие своими корнями еще в переписку князя Курбского с Иваном Грозным³¹. Как философ он сумел увидеть в «золотом веке Екатерины II» семена разложения традиционного дворянского мирозерцания и мироустройства. Среди блеска и успехов екатерининского царствования эти семена давали свои первые, не для всех заметные всходы. Памфлет Щербатова «О повреждении нравов в России» – энциклопедия того, чем мог быть недоволен консервативно мыслящий русский дворянин второй половины XVIII в.: чужое «роскошество», «обжорливость», «самолюбие» и «любострастие» – во всем, по мысли Щербатова, проявлялись трещины традиционалистского мира, где сын подьячего никогда не мог сесть выше сына воеводы и уж тем более одеваться, есть, пить и выезжать богаче, чем боярин. В деятельности главных персонажей эпохи, таких как Екатерина и Потемкин, обнаруженное Щербатовым «повреждение нравов» давало о себе знать особенно ярко. Поэтому все начинания светлейшего князя – суть страшная жатва разложения не только обыденной жизни России, но и ее государственного механизма, уже не способного востребовать лучших из лучших по родовому принципу.

Рассуждения Щербатова оказали огромное влияние на молодого А. С. Пушкина, обвинявшего Екатерину II в том, что она «унизила древние дворянские роды». Его знаменитые обличительные заметки, написанные в 1822 г. в ссылке, в Кишиневе, и столь часто цитируемые историками, буквально строка в строку ложатся на текст Щербатова. «Униженная Швеция и уничтоженная Польша – вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиגлярство в сношениях с философами ее столетия – и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России»³².

Однако Пушкин совсем иначе, чем Щербатов, относился к деятельности главного сподвижника Екатерины II – Потемкина. «В длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории. Он разделит с Екатериной часть ее воинской славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хотя и бесплодными, победами в Северной Турции». Вероятно, давала о себе знать некоторая историческая дистанция, позволявшая менее пристрастно оценить реальные дела светлейшего князя. Во всяком случае, у Пушкина Крым уже не «гробница для россиян», а некий священный дар, которым Россия обязана «странному Потемкину». Отметим также, что Пушкин в отличие от Щербатова, для которого войны и дипломатические акции Екатерины II – цепь хаотичных непродуманных действий, прекрасно почувствовал главную ориентацию внешней политики того времени: «Униженная Швеция и уничтоженная Польша», «Черное море и блестящие, хоть и бесплодные, победы в Северной Турции».

Негативная оценка поэтом екатерининского царствования объясняется во многом общим критическим настроем, господствовавшим в русских интеллектуальных кругах первой чет-

³⁰ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России//Столетие безумно и мудро. Век XVIII. М., 1986. С. 387.

³¹ Володихин Д. М. Замечательные российские историки. М., 1997. С. 30–31.

³² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 17 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 9. С. 15.

верти XIX в. по отношению к «золотому веку Екатерины». Ближайшие потомки действовавших при Екатерине II лиц пользовались главным образом устными преданиями, историческими анекдотами и в лучшем случае рукописными записями мемуарного характера. Раздражение, непонимание, память о мелочных обидах отцов, столь частых в придворной жизни, зачастую закрывали главное – реальные дела целого поколения талантливых людей – «екатерининских орлов» (не в узком, куртуазном, а в обобщающем смысле слова). Поколения, для которого было мало невозможного. Быстрое эмоциональное и нравственное «повзросление» европейской культуры, произошедшее в самом начале XIX в., ясно ощущалось уже после Наполеоновских войн, когда патриотический порыв дворянского общества сменился ранней усталостью, апатией, осознанием собственного бессилия. В этих условиях «дети» просто не могли с симпатией смотреть на бурную, жизнерадостную, порой грубую, но полнокровную деятельность «отцов». Место культуры деятелей заняла культура ценителей.

Интересно, что крупнейшие из русских консервативных философов второй половины XIX – начала XX века: Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов – совсем иначе, чем прародитель их философского направления князь Щербатов, оценивали и эпоху Екатерины II, и деяния ее главного сподвижника.

Отец российской геополитики Н. Я. Данилевский в своем основополагающем труде «Россия и Европа», вышедшем в 1869 г., особо выделяет царствование Екатерины II, до известной степени противопоставляя его царствованию Петра I в вопросе о национальных ориентирах внешней политики России. «После этого тяжелого периода, – рассуждает Данилевский об эпохе Петра I, – долго еще продолжались, да и до сих пор продолжают еще, колебания между предпочтением то русскому, как при Екатерине Великой, то иностранному, как при Петре III или при Павле... Во все царствование Екатерины Великой Россия деятельным образом не вмешивалась в европейские дела, преследуя свои цели... С императора Павла собственно начинаются европейские войны России»³³. Данилевский нащупал важнейший принцип внешней политики Екатерины II – при всей мощи русской армии, при всех ее победах и талантах ее генералов не поддаваться на соблазн принять участие в развязывании клубка европейских противоречий, а доводить до конца решение старых, коренных задач самой России: восточного (татарского и турецкого), северного (шведского) и западного (польского) вопросов. Иных интересов у России в Европе нет и быть не может. Ради них позволены союзы и дипломатические игры, без них все теряет смысл. Осознание Россией себя как особой мировой силы, с особыми целями и интересами происходит в царствование Екатерины II очень ярко и для Данилевского связано с именем светлейшего князя Потемкина. По мысли философа, императрица и ее сподвижник сумели создать Европе как наследнице Западной Римской империи «противовес в возобновленной Иоанном, Петром и Екатериной Восточной Римской империи... Мысль о таком значении России обнаружилась и определилась в гениальной русской монархии и в гениальном полномочном министре ее Потемкине-Таврическом»³⁴.

Современник Данилевского философ К. Н. Леонтьев характеризовал царствование Екатерины II как наивысший пик развития Российской империи, после которого начался медленный, но неуклонный спад, как время «цветущей сложности» государственных, общественных, национальных и религиозных отношений, абсолютного расслоения сословий, заключавшего в себе экзистенциальную красоту бытия империи. В книге «Византизм и славянство» он писал: «До Петра было больше однообразия в социальной, бытовой картине нашей, больше сходства в частях; с Петра началось более ясное, резкое расслоение нашего общества, явилось то разнообразие, без которого нет творчества у народов... Осталось только явиться Екатерине II, чтобы обнаружились и досуг, и вкус, и умственное творчество, и более идеальные чувства в обще-

³³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 40.

³⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 322.

ственной жизни. Деспотизм Петра был прогрессивный и аристократический в смысле вышеизложенного расслоения общества. Либерализм Екатерины имел решительно тот же характер. Она вела Россию к цвету, творчеству, росту... давала льготы дворянству, уменьшала в нем служебный смысл и потому возвышала собственно аристократические его свойства – род и личность»³⁵.

Из всех сподвижников императрицы Потемкин представлялся Константину Николаевичу наиболее крупным и даровитым. Встав на путь религиозной философии, Леонтьев сумел увидеть в фигуре светлейшего князя то, что скрывалось от глаз многих современников и позднейших исследователей: внутреннюю красоту православного бытия, намеренно не афишируемую светлейшим князем. «Эстетически хорошо жил Потемкин», – замечает философ, имея в виду именно эту скрытую сторону характера вельможи. В умении Екатерины II и Потемкина преследовать собственно российские интересы, выделяя их из интересов всего славянского мира, и подчинять этот мир решению задач России Леонтьев, много лет прослуживший русским консулом в Турции и на Балканах, видел основную причину успеха екатерининской внешней политики. Подчинение же интересов Российской империи неким туманным общим интересам искусственно объединяемого в умах ученых и политиков «славянства» представлялось Леонтьеву бесплодной тратой сил собственной страны. «Славянство есть – славизма нет», – писал он. В этой связи прагматичная и расчетливая политика Потемкина, с чьими принципами ведения дел на Балканах консул имел возможность познакомиться по документам, представляла в его глазах неким идеалом поведения русского дипломата, не разменивающегося на решение чуждых России проблем.

Совсем иначе, но тоже с эстетической точки зрения взглянул на екатерининскую эпоху В. В. Розанов, бродивший в 1910 г. по выставке русских исторических портретов в Таврическом дворце. Он уловил главное: сказочное богатство и творческую силу жизни тех далеких дней, а вслед за ними сразу – трагический излом, не поправленный вовремя вывих русской культуры, который так и вжился в жизнь, так и захромал по истории Отечества дальше из эпохи в эпоху, из столетия в столетие. «Все-таки русская история XVIII в. и первой трети XIX в. роскошна, упоительна. Упоительна – я не стыжусь этого слова. Потом что-то случилось, лица пошли тусклые... Что такое произошло? Мне кажется, что разгадка этого находится в одном уголке этой дивной выставки; в отделе портретов эпохи Александра I висит впервые выставленный портрет Сперанского... Губы выражают безмерное высокомерие, упорное презрение ко всему окружающему, ко всей этой «старо графской и старо княжеской рухляди», которая так ярко представлена на портретах Елизаветинской и Екатерининской эпох и которую вот-вот он начнет ломать; а глаза его, эти маленькие, свинные, до таинственности закрытые... это феномен».

Сила эпохи, свежесть ее красок объяснялась Розановым как внутренний, неуловимый порыв, некое таинство, основанное во многом на чисто личном, почти интимном влиянии живших тогда людей на окружавший их мир. «Бог с ней, с бедностью. Я упивался богатством... Получилось целое воинство русских Паллад, Афин, Диан и, может быть, Афродит... и все эти Потемкины, Орловы, Мамоновы, эти Безбородки и Бецкие, обвеваемые волнами «грудного» эфира, не могли не творить, не кипеть, как в афинской «агоре» или римском сенате... «Тысяча богинь смотрит на нас с небес» (из дворцов): тут Суворов будет побеждать, Потемкин – присоединять Крым, все будут грозить, напрягаться, «выходить из сил». Нет, ей-ей, тогда бы и я мог что-нибудь»³⁶.

Чем дальше уходил в прошлое «золотой екатерининский век», тем больше чудес находили в нем историки, философы и писатели. Для свободной от личных обид и ущемленных

³⁵ Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 32–33.

³⁶ Розанов В. В. Сочинения. М., 1990. С. 427–428.

амбиций оценки эпохи понадобилась серьезная историческая дистанция. Вспомните строки Сергея Есенина: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии». Однако традиции рассмотрения событий, явлений и героев екатерининского царствования закладывались именно тогда, когда «золотой век» стоял лицом к лицу с первыми исследователями или дышал им в спину.

Трактовка личности Потемкина с самого начала пошла по линии противостояния, хорошо обозначенной Павлом I в беседе с бывшим правителем канцелярии светлейшего князя В. С. Поповым. Разгорячившийся император, обвиняя Потемкина, воскликнул: «Как, как, скажите вы мне, исправить все то зло, которое он причинил России?!» «Отдайте татарам Крым», – холодно возразил Попов. После этих слов старого сослуживца светлейшего князя ждала отставка и ссылка. Зная характер Павла, Василий Степанович это хорошо понимал, но было нечто превыше гнева императора, чего он предать не мог.

Образ Потемкина – злого гения России, а в сниженной трактовке – авантюриста, лентяя, присваивавшего себе чужие победы, сластолюбца и хитрого царедворца, умело игравшего на слабостях императрицы, – создавался в литературе, выходявшей из немецких розенкрейцерских кругов. Он отражал восприятие светлейшего князя как «князя тьмы», существовавшее еще при жизни Потемкина в русских и прусских масонских братствах, поддерживавших цесаревича Павла. Именно эта антитеза: светлейший князь – князь тьмы – раскрыта в немецком мифологическом романе-памфлете, вышедшем в 1794 г., вскоре после смерти Потемкина, и ходившем в России в списках. Феерическая сказка «Пансалвин Князь Тьмы», наполненная перетрактованной в розенкрейцерском духе ветхозаветной мифологией, повествовала о злом демоне, обольстившем добродетельную царицу Миранду и превратившем все ее прекрасные дела в нечто совершенно противоположное. Не видящая дьявольской сущности своего любимца, Миранда доверчиво предоставляет ему право распоряжаться своим государством, которое едва не оказывается из-за этого на краю гибели. Хищный убийца Пансалвин реализует грандиозные захватнические планы по отношению ко всему миру и ввергает страну Миранды в непрекращающуюся войну. Только его смерть во время дуэли, когда оскорбленный Пансалвином генерал случайно задевает кончиком шпаги ядовитую южную траву и наносит противнику смертельную рану, возвращает Миранде память³⁷. Для нас в данном случае важно отметить оценку в русской и немецкой масонской среде внешнеполитических планов Потемкина как однозначно вредных для России.

Ярким проявлением той же тенденции, но уже в более реалистичном, приземленном ключе стали книги саксонского дипломата Г. А. В. Гельбига, работавшего в России секретарем посольства в 1787–1796 гг. Фактически выполняя роль резидента, Гельбиг активно собирал в России информацию о жизни императрицы и двора, пользовался разного рода слухами и сплетнями. Вскоре его деятельность привлекла внимание правительства, однако выставить секретаря из Петербурга оказалось не так-то легко – дипломат имел влиятельных друзей в окружении великого князя Павла Петровича, чье положение в последние годы царствования Екатерины усилилось. Удалить Гельбига из России удалось только в год смерти императрицы.

Вернувшись на родину, он начинает анонимную публикацию в гамбургском журнале «Минерва»³⁸ своей книги «Потемкин Таврический». Это сочинение пользовалось большой популярностью в Европе и в первой четверти XIX в. было переиздано шесть раз в Голландии, Англии и Франции³⁹. Сам Гельбиг назвал свой труд сборником анекдотов. Сильное предубеждение против России, откровенно высказанная автором ненависть к Екатерине II и ее ближайшему сподвижнику превращают первую биографию Потемкина в политический памфлет.

³⁷ Pansalvin Furst der Finsterniss und seine Geliebte, so gut wie geschehen. Germanien. 1794.

³⁸ Minerva. 1797–1800.

³⁹ Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 112.

Изучая книги Гельбига, Е. И. Дружинина пришла к выводу, что именно он познакомил европейскую публику с феноменом «потемкинских деревень». «Гельбиг объявляет несостоятельными все военно-административные и экономические мероприятия Потемкина в Северном Причерноморье, – пишет исследовательница. – Саму идею освоения южных степей он пытается представить как нелепую и вредную авантюру... Изображение всего, что было построено на юге страны в виде бутафории – пресловутых «потемкинских деревень», преследовало... задачу предотвратить переселение в Россию новых колонистов... Описываются мнимые «деревни», жители которых призваны были с лишком за 200 верст по наряду». «Стада скотов, – говорится далее, – перегоняли ночью из места в место, и нередко одно стадо имело счастье предстать монархине от пяти до шести раз». По поводу построек в Херсоне, понравившихся императрице, сказано: «Только ближние здания были настоящие; прочие же написаны на щитах... из тростника, связанных и прекрасно размалеванных». Даже военный флот, показанный императрице в Севастополе... «состоял из купеческих кораблей и старых барок, кои отовсюду согнали и приправили в вид военных кораблей»⁴⁰.

«Русская тема» стала для Гельбига главным источником доходов, в 1808 г. он издает не менее популярную «Биографию Петра III», где виновницей смерти мужа объявляется, конечно, Екатерина II, а в 1809 г. – новый памфлет «Русские фавориты», известный в России еще под названием «Русские избранники». Создается странное впечатление, что уже после смерти своих главных героев, когда Екатерина II и Потемкин уже давно отошли в мир иной, Гельбиг с неослабевающей яростью продолжает сражаться с тенями людей, не сделавших ему лично ничего дурного. По каким-то причинам дипломату необходимо было опорочить громадное политическое и культурное наследие Екатерины II, и в первую очередь в области внешней политики, где трудился Потемкин. Продолжение движения Российской империи по направлениям, намеченным императрицей и светлейшим князем, было слишком опасно для «европейского равновесия» в прусском понимании слова, слишком хорошо ложилось в концепцию «русской угрозы», тщательно развиваемую Францией на протяжении всего XVIII в., чтоб труды Гельбига остались без многочисленных переводов и переизданий. В 1807 г. русская цензура не пропустила в печать уже переведенный памфлет саксонского дипломата, однако в 1811 г. перепечатка французского издания Гельбига все же появилась и на русском языке, вызвав бурю возмущения у еще живых сотрудников Потемкина⁴¹.

Мы так подробно останавливаемся на работах Гельбига потому, что именно он заложил в исторической литературе краеугольный камень трактовки деятельности светлейшего князя как бутафории, нереального, феерического видения, созданного «каким-то злым волшебством» и развеявшегося сразу после кончины Потемкина, как падают и рассыпаются в прах сказочные замки после гибели злых колдунов.

В 1808 г. в Москве выходит первая русская биография Потемкина. Анонимный автор книги оговаривается, что источниками ему послужили исключительно газетные известия о князе и ходившие тогда в большом количестве анекдоты⁴².

⁴⁰ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. С. 27.

⁴¹ Жизнь генерал-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврического. СПб., 1811.

⁴² Жизнь князя Гр. Ал. Потемкина-Таврического. Взято из иностранных и отечественных источников. М., 1808.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.